

Сеанс балетной магии с разоблачением

Гастроли Датского королевского балета

В московском Театре оперетты прошли однодневные гастроли Датского королевского балета, организованные фирмой «Постмодерн-театр». Концертная программа в трех отделениях содержала хореографию трех веков. Бесспорное преимущество осталось за позапрошлым.

Поглядеть на выступление датчан собралась весь столичный балетный истеблишмент, что случается нечасто. Повышенный интерес профессионалов был вызван разными обстоятельствами. Во-первых, представлялась редкая возможность увидеть фрагменты из балетов классика XIX века Августа Бурнонвиля в исполнении главных хранителей его наследия и, соответственно, постичь специфику датской школы классического танца. Во-вторых, по обыкновению заманчиво выглядело на афише имя Джона Ноймайера (John Neumeier), поставившего специально для датчан «1963: вчера». В-третьих, свой свежий балет «Сон Турандот» на музыку Хиндемита (преьера состоялась в Копенгагене полмесяца назад и была принята на ура) показал Алексей Ратманский. Ведущий солист Датского ко-

ролевского балета считается главной надеждой балета отечественного: его постановки не без успеха прошли в Большом и Мариинке, и оба театра ангажировали балетмейстера на следующий сезон.

«Сон Турандот» едва ли способен вызвать у заказчиков прилив воодушевления. Лексика хореографа существенно не обновилась, а режиссерски этот балет явно уступает московским спектаклям Ратманского. Предвосхищая возможные упреки, хореограф заявляет в программе, что «сон — это просто жанр, который позволяет дать драматическое напряжение, не отяжеляя его реальной логикой событий». Логика в балете действительно никакой, но отсутствует и «драматическое напряжение». Для настоящей фантазмагии у Ратманского явно не хватило фантазии. Многообещающий хаос экспозиции вылился в штатную ситуацию: экзотичная принцесса Турандот, отсмотрев перепляс женихов, выбрала себе подходящего — как домашнюю собачку. Ярко очерченные побочные персонажи не смогли найти себе места в этом сюжете. Режиссерски невыстроенный спектакль разрешился банальной балетной кодой: танцуют все. Кроме

изгнанного со сцены «ходячего» злодея в смазных черных сапогах, который с самого начала мешал всем радоваться жизни.

«Сон Турандот» неуверенно балансирует между сюжетным представлением и балетной абстракцией. Природная склонность влечет господина Ратманского к «низкому жанру»: гротесковому обыгрыванию классики, актерской характерности и хореографическим диалогам-перепалкам. По-видимому стесняясь этих качеств (вообще-то редких и ценных), балетмейстер стремится к «высокому стилю», утверждающему самоценность хореографии.

Подобные проблемы явно не тревожили Августа Бурнонвиля, правившего Королевским балетом с 1830-го по 1877 год. Рассказывая своим зрителям разнообразные любовные истории, он качественно разбавлял их самодостаточными хореографическими эпизодами. Именно такой шедевр из балета «Неаполь, или Рыбак и его невеста» завершила гастрольную программу. Роскошный каскад из pas-de-six, сольных вариаций и финальной тарантеллы ясно показал, откуда Джордж Баланчин черпал вдохновение для своих реформ в целом и знаменитой «Тарантеллы» в частности: и синкопы, и неожиданные точки-остановки на пуантах, и коварные прыжки без разбегов-preparatien, и небрежное щегольство при исполнении казуистичных мелких па — хорошо забытая датская техника танца, привитая русским танцовщикам в XIX веке учеником Бурнонвиля Христианом Иогансоном.

Публику, ждущую от старой классики сильнодействующих эффектов в виде фуэте, больших прыжков и буйных вращений, несколько обескуражило отсутствие оных. Балетных же профессионалов обескуражило исполнение: датчане, со школьной скамьи изучающие Бурнонвиля, оказались совсем не так точны в позициях, безукоризненны в турах и резвы в заносках, как от них ожидали. Различными оказались и критерии, предъявляемые к балеринам: полногрудые прыгучие крепышки с небольшим подъемом и совсем уж маленьким шагом, которых у нас не выпустили бы из корифеек, оказались первыми солистками. Впрочем, уязвимый в частности, ансамбль из 20 знатоков аутентичного Бурнонвиля во главе с изящной Гудрун Боесен (Gudrun Bojesen) и виртуозом Томасом Лундом (Thomas Lund) произвел изрядное впечатление.

XX век был представлен медитативно-чувственным дуэтом англичанина Тима Раштона (Tim Rushton) под названием «Номады» («Кочевники») — его тонко и точно исполнили Ана-Мария Лукачу (Ana-Maria Lucaci) и Алексей Ратманский. Аффектированным, но банальным «Желанием» (содержание исчерпывается названием) известного Москва австралийца Стэнтона Уэлша (Stanton Welch). А также «датской» миниатюрой Джона Ноймайера — в том смысле, что сочинил на ее к юбилею и специально для датчан. Номер «1963: вчера» на музыку Beatles вдохновлен реминисценциями хореографа, проходившего в начале 60-х стажировку в Дании. Сюжет его в том, что alter ego хореографа посещает сильфида — неуловимая тайна балетного искусства. Очистив видение от романтической оболочки (попросту сняв платье-тюник), будущий творец овладевает ею — танцует на редкость пресный и невыразительный дуэт; а затем, оставив видение сидеть в печали над собственным костюмом, гордо удаляется во тьму будущего под бессмертное битловское «Yesterday». Столь беспомощный номер мог позволить себе только настоящий классик.

Веселый хаос «Сна Турандот» так и остался хаосом

«Королева до сих пор приходит на все премьеры»

Накануне гастролей корреспондент „Ъ“ **ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА** встретила с ведущим танцовщиком и хореографом Датского королевского балета **АЛЕКСЕЕМ РАТМАНСКИМ**.

— Кто подбирал гастрольный репертуар?
— В основном я. Но, конечно, советовался с солистами. За Бурнонвиля отвечал Томас Лунд — подбирал составы, репетировал.
— Сохранились ли в театре традиции XIX века?
— Королева до сих пор приходит на все премьеры и то, что театр — королевский, очень чувствуется. А в смысле орга-

низации производства он отвечает всем современным мировым стандартам.

— Балет Парижской оперы ревниво бережет свою национальную целостность. А в Дании много иностранцев в труппе?

— Парижская школа обеспечивает свой театр великолепными кадрами. У датчан школа небольшая, иногда она не может дать нужное количество и качество танцовщиков. Поэтому за последние десять лет труппа пополнилась иностранцами примерно на четверть. Я думаю, это нарушает специфику датской школы, потому что любой иностранец, как бы ни старался, все равно будет только стилизатором. Но вообще-то, в этой труппе приживаются только те, кто по-настоящему стремится проникнуться стилем Бурнонвиля.

— Скажите, вас что-нибудь раздражает в тихой Дании?

— То, что я не говорю по-датски, — это ужасно.